

Что бы там ни думал Хан Сиэнь, Хан Чжо, едва завидев его нынешний облик, не проронил ни слова. Охваченный паникой, он поспешно устремился к своему кабинету, даже не заметив следовавшего за ним Хан Юэвэня. Всю дорогу мысли его путались, а сердце сжимал леденящий ужас.

Странное поведение Хан Чжо озадачило Хан Юэвэня. В его душе зародилось смутное подозрение: отец недолюбливал Хан Сиэня вовсе не из-за его дерзких выходок, порочащих имя клана Хань. Похоже, Хан Чжо испытывал глубокую личную неприязнь к самому существованию старшего сына.

Когда Хан Чжо заперся в кабинете, Юэвэнь некоторое время колебался, но так и не решился войти и расспросить отца о случившемся.

Он слишком хорошо знал характер родителя: Хан Чжо превыше всего ценил собственное достоинство и никогда не стал бы делиться тем, что хотел утаить от посторонних глаз. И уж тем более он не желал, чтобы кто-то застал его в столь жалком смятении.

В итоге Юэвэнь свернул на другую тропу и направился к госпоже Лю. Навестив мачеху, он мимоходом рассказал ей о разительной перемене в облике Хан Сиэня и осторожно намекнул на странную реакцию отца.

Госпожа Лю, и без того хворавшая после недавнего скандала с Хан Минчжу, подхватила сильный простудный жар. Хан Чжо велел ей не покидать своих покоев ради «поправки здоровья» — хотя на деле это было лишь благовидным предлогом для домашнего ареста.

От этого госпожа Лю окончательно пала духом. После кончины старой госпожи её слово в доме потеряло прежний вес. Она и сама понимала: её брак с Хан Чжо состоялся лишь благодаря воле покойной свекрови, а сам муж никогда не питал к ней нежных чувств. Прежде, пока она вела себя кротко и уступчиво, Хан Чжо ещё снисходил до бесед с ней. Но стоило Хан Сиэню войти в силу, как госпожа Лю совершила несколько непростительных оплошностей, из-за чего её репутация в столице оказалась безнадежно испорчена. С тех пор супруг отдалился ещё сильнее, выказывая теперь лишь холодное равнодушие.

Выслушав сына, госпожа Лю, только что принявшая горькое лекарство, помрачнела ещё сильнее. Сквозь полуопущенные веки она вяло проговорила:

— Твой отец терпеть его не может. Держись от него подальше и не смей крутиться рядом.

Эти слова больно отозвались в сердце Юэвэня. С тяжёлым чувством он лишь молча склонил голову, бережно подоткнул край её одеяла и не проронил ни слова.

Всего за одну ночь весть о неопишуемой красоте наследника герцога Хань разнеслась по всем закоулкам столицы. Поначалу придворные мужи сочли эти слухи нелепой небылицей. Однако рассказы горожан становились всё более подробными и убедительными, и даже искушённые

сановники, прекрасно помнившие уродливую маску на лице Хан Сиэня, начали сомневаться. Неужели человек способен в мгновение ока превратиться из безобразного калеки в писаного красавца? Быть может, он принял какое-то чудодейственное снадобье? Нашлись и те, кто отнёсся к этому с изрядной долей скепсиса, горя желанием воочию убедиться в истинности досужих сплетен.

В тот день император отменил утренний прием. Поговаривали, что на рассвете во дворец спешно вызвали лекаря Чжоу, который долгие годы пользовал Хан Сиэня. Престарелому лекарю пришлось простоять на коленях перед владыкой без малого полдня. Старик едва не лишился чувств от усталости, прежде чем император соизволил выслушать его оправдания.

Дрожа от страха, лекарь Чжоу клялся в собственной невиновности. Он уверял, что до того, как наследник Хань надел маску, его лицо действительно носило следы столь тяжких увечий, что на него было больно смотреть. Лекарь лишь предполагал, что маска призвана скрыть шрамы, чтобы не пугать окружающих, о чём когда-то и осмелился доложить Его Величеству.

Глядя на заливающегося слезами старика, который от ужаса не смел даже утереть нос, и памятуя о своенравном нраве Хан Сиэня, император счёл оправдания лекаря вполне правдоподобными. Сменив гнев на милость, он позволил ему подняться.

Стоило лекарю Чжоу показаться у дворцовых ворот, как его тут же обступила толпа любопытных вельмож. Сановники всех рангов наперебой расспрашивали его о внешности Хан Сиэня.

Взглянув на заседавших чиновников, лекарь Чжоу степенно проговорил:

— Ничтожный слуга и сам не ведает причин столь чудесного преображения. Полагаю, благородный наследник изначально был наделён редкой красотой, но из-за хрупкого здоровья его лицо в юности осунулось и поблекло. Теперь же, когда недуги отступили благодаря целебным снадобьям, прежняя стать вернулась к нему. Вспомните, ведь и господин герцог Хань, и покойная супруга его отличались редким великолепием. Стоит ли удивляться, что их дитя унаследовало столь благородный лик?

Сановники сочли эти доводы вполне разумными и принялись оглядываться в поисках Хан Чжо, желая расспросить его об удивительном преображении сына. Однако кто-то из толпы тут же заметил:

— Господин герцог Хань сегодня занемог и не явился во дворец.

Почтенные мужи уже было вознамерились проявить дружеское участие и навестить заболевшего коллегу — а заодно выведать у него секреты воспитания столь удивительного отпрыска.

Однако не успели они дойти до дворцовых ворот, как навстречу им показался евнух Юань Бао в

сопровождении юноши неопиcуемой, утончённой красоты. Заметив толпу придворных и скромно стоявшего поодаль лекаря Чжоу, незнакомец слегка приподнял бровь. В его глазах промелькнула холодная искра, а в самой осанке угадывалось то надменное пренебрежение, которое показалось всем на удивление знакомым.

В душах вельмож зародилось невероятное подозрение, но поверить, что этот юноша — калека Хан Сиэнь, казалось чистым безумием. Сомнения рассеялись, едва Юань Бао с неизменной улыбкой поприветствовал собравшихся и с глубоким почтением обратился к своему спутнику:

— Господин наследник, Его Величество изволит ждать вас.

Хан Сиэнь лишь безучастно кивнул и, даже не взглянув на замерших чиновников, прошёл мимо.

Когда они скрылись из виду, министр доходов сердито повёл плечом и проворчал сквозь зубы:

— Лицо-то он сменил, а вот спеси у него ничуть не поубавилось. Каков гордец...

Впрочем, договаривать он не стал. Лишь раздражённо взмахнул широкими рукавами и поспешил прочь.

Остальные придворные переглянулись, невольно вспомнив зловещие слухи, шедшие из Сицзяна. Обменявшись дежурными любезностями, они вскоре разошлись кто куда.

Когда площадь опустела, лекарь Чжоу медленно поплёлся в Императорскую аптекарскую палату. Ему крупно повезло, что на этот раз гроза обошла его стороной.

На самом деле у императора не было веских причин для вызова Хан Сиэня, однако он нашёл благовидный предлог — оглашение приговора Чжоу Жаню и пятому принцу Цзи Хуаю. В отношении заместителя командующего Чжоу Жаня владыка вынес скорое решение: без колебаний лишил его воинского звания, разжаловал в простолюдины и пожизненно лишил права занимать государственные должности, хотя и пощадил его семью.

Что до Цзи Хуая, то его император не стал лишать княжеского достоинства, однако велел взять под стражу в собственном поместье. Покидать его без высочайшего соизволения принцу строго запрещалось — точно так же в своё время поступили со вторым принцем Цзи Жуном.

Когда указы были скреплены печатями, император подозвал Хан Сиэня поближе:

— Сыграй со мной партию в облавные шашки.

Евнух Юань Бао тут же преподнёс доску из чёрного нефрита и искусно выточенные из драгоценного камня камни для игры. Прохладные на ощупь, они так и манили к неспешному, изысканному досугу.

Хан Сиэнь совершенно не смыслил в этой игре, но, видя, что государь уже приготовился к состязанию, послушно приблизился к столу.

Поначалу император горел азартом. Заметив, как небрежно его соперник делает первые ходы, он решил, что тот замышляет какую-то хитрую, невиданную доселе тактику. Однако уже через несколько ходов государь с разочарованием понял: Сиэнь просто-напросто делает глупости.

Эта победа далась повелителю легче всего в жизни. Прежде вельможи, игравшие искуснее него, незаметно поддавались, дабы ублажить императорское самолюбие, а те, кто играл слабее, из кожи вон лезли, чтобы показать достойное сопротивление.

Глядя на бесстрастное лицо Хан Сиэня, император чувствовал лишь глухое раздражение. Юноша играл настолько из рук вон плохо, что даже щедрая уступка в десяток камней не спасла бы его — он отдавал свои фигуры одну за другой без тени сомнения.

Посчитав, что негоже так безжалостно громить неумеху, император с досадой бросил камни на доску:

— Ступай и как следует поучись игре. Твоё мастерство не выдерживает никакой критики.

— Ваше Величество, — невозмутимо отозвался Хан Сиэнь, — ваш покорный слуга с малых лет чах от болезней. Откуда мне было взять время на подобные изысканные забавы? Да и склонности к ним я не питаю. Вы лишь понапрасну утруждаете себя.

От столь бесхитростной дерзости император лишь сильнее распалился и нетерпеливым жестом велел упряму убрать с глаз долой.

Когда за Сиэнем закрылась дверь, государь бессильно опустился на подушки. Лицо его осунулось. Какое-то время он созерцал царящий на доске хаос, а затем принялся медленно, один за другим, собирать камни в лакированную шкатулку.

Евнух Юань Бао стоял поодаль, боясь лишний раз вздохнуть. Он прекрасно помнил, что покойный императорский супруг Цзюньжань был непревзойдённым мастером этой игры. Сам повелитель когда-то заказал этот драгоценный набор специально для своего любимца... Но увы, те дни давно канули в вечность.

Слуга без труда угадывал, что творится в душе господина: император отчаянно пытался разглядеть в юном наследнике черты ушедшего фаворита. Но разве мог один человек заменить другого? Слишком уж разными были их воспитание, повадки и помыслы.

Впрочем, и сам государь отдавал себе в этом отчёт.

И всё же он продолжал то и дело призывать Хан Сиэня во дворец. То заставлял его часами рассматривать редкие свитки из личной сокровищницы, то принуждал внимать игре искусных музыкантов.

Вся столица гудела о небывалой милости, которой император осыпал наследника Хань, однако в свете последних слухов о Сицзяне никто не осмеливался плести против него интриги.

Государь искренне желал похвалиться своими богатствами, да только изящные искусства были для Хан Сиэня тёмным лесом. В ответ на восторженные речи повелителя юноша лишь безучастно ронял, что тушь на свитке «весьма недурного оттенка». От подобных суждений император едва не задыхался от досады. Ему безумно хотелось в гневе снести эту упрямую, пустую башку, но приходилось лишь безмолвно глотать обиду.

В один из дней, когда сотня лучших придворных музыкантов устроила представление, Хан Сиэнь и вовсе сладко уснул под мерный бой ритуальных колоколов. Очнулся он, когда музыка давно смолкла. У императора уже не осталось сил сердиться — он лишь устало махнул рукой, отпуская соню восвояси.

У ворот, притаившись за выступом стены, его преданно дожидался Бай Шу. Завидев Сиэня, он так и подскочил на месте и торопливо засеменил навстречу.

— Сегодня тебя задержали дольше обычного, — тихо спросил юноша. — Император снова гневался?

Хан Сиэнь взглянул на встревоженное лицо своего спутника, на мгновение замер, а после лишь безмолвно покачал головой.

Всю дорогу до Поместья герцога Хань Бай Шу то и дело порывался что-то сказать, но так и не решился нарушить молчание. Лишь когда они укрылись под сенью дворика Душистых Орхидей, он негромко спросил:

— Почему Его Величество столь настойчиво призывает тебя к себе?

Раньше Бай Шу не караулил его возвращения изо дня в день, но в последнее время приглашения правителя стали приходить пугающе часто, и сердце юноши сжималось от недоброго предчувствия.

Прежде он не позволил бы себе подобной вольности. Однако теперь, когда тайные чувства были раскрыты, он уже не мог держать в узде собственное беспокойство.

Хан Сиэнь небрежно придвинул кресло и опустился в него. Слегка потеряв виски, он ровно

проговорил:

— Здоровье государя оставляет желать лучшего. Пусть внешне он держится бодро, но в его покоях стоит удушливый запах благовоний и лечебных отваров, да и лекарь Чжоу днюет и ночует во дворце.

Он не дал прямого ответа, однако эти слова принесли Бай Шу заметное облегчение, рассеяв копившуюся в его душе тревогу.

Глядя на то, как быстро улеглось беспокойство его спутника, Хан Сиэнь слегка прищурился. А изящный юноша уже припустил к противоположному краю двора, чтобы вернуться к своему любимому занятию — резьбе по камню.

Похоже, окончательно разочаровавшись в дремучести Хан Сиэня, император оставил свои бесплодные попытки и больше его не вызывал. Те из придворных, кто пристально следил за развитием этой дружбы, вздохнули с разочарованием — их надежды на новые столичные сплетни не оправдались.

Стоял на редкость погожий день. В Поместье герцога Хань пожаловали гости, но Хан Сиэнь предпочитал оставаться в тишине дворика Душистых Орхидей за чтением книг. Рядом с ним устроился Бай Шу: примостив небольшой столик, он увлечённо разыгрывал шахматные партии сам с собой.

Играл он ничуть не лучше Сиэня, но это не мешало ему с самым серьёзным видом расставлять фигуры час за часом.

Вскоре у Сиэня от чтения отяжелели веки. Отложив книгу, он прикрыл глаза и погрузился в лёгкую дрему на мягкой кушетке. Заметив это, Бай Шу тихонько проскользнул в комнату, вынес тёплый плащ и бережно укутал спящего.

Поправляя полы плаща, юноша замер, залюбовавшись длинными ресницами Сиэня. В последние дни в столице только и судачили о неземной красоте наследника Хань, но именно сейчас Бай Шу понял: все эти восторженные речи не передавали и сотой доли его истинного великолепия.

Сначала он хотел лишь легонько коснуться пальцами его щеки, но сердце предательски затрепетало. Не удержавшись, он плавно склонился над спящим.

«Всего один поцелуй»

Однако едва он шевельнулся, так и не успев приблизиться к его лицу, Хан Сиэнь внезапно распахнул глаза. Его взгляд был абсолютно ясным и сосредоточенным.

В повисшей тишине было слышно лишь их прерывистое дыхание.

Бай Шу обомлел. По его лицу разлилась краска смущения. Но не успел он отпрянуть, как со стороны входа раздался яростный, полный изумления крик:

— Вы... Да что вы себе позволяете?!

Хан Сизнь и Бай Шу разом обернулись. На пороге стоял багровый от гнева Хан Чжо, а прямо за его спиной возвышался третий принц Цзи Ло.

<http://bllate.org/book/20088/2002098>